

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВ

От трёх до тридцати

Евгений Федоров

От трёх до тридцати

«Издательские решения»

Федоров Е.

От трёх до тридцати / Е. Федоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747010-4

Разные невыдуманные истории — мамам и папам — для дошколят и — школьникам, чтобы любили книгу — написал автор на живых примерах, из жизни. А повесть «Окурки» о беспризорниках — полностью автобиографична, была отмечена премиями и включена в сценарий к/фильма «Чарли».

ISBN 978-5-44-747010-4

© Федоров Е.
© Издательские решения

Содержание

«Гусарчики» и Игрунки	6
Рассказ о великих книгах	15
Строим пиратский парусник «Чёрный паук»	18
Пингвинёнок Гоша	23
Тунец	25
Мишаня	27
Попугай Ханик	29
Недетские рассказы о детях	33
Чоботы1	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

От трёх до тридцати

Евгений Федоров

*Гордею (род. 31.07.2011) и Мирону Галко (род. 14.07.2015)
посвящаю.*

Автор

Верстка Анастасия Турушкина

© Евгений Федоров, 2018

ISBN 978-5-4474-7010-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Гусарчики» и Игрунки

А где живут зелёные мартышки по прозвищу «Гусарчики»?

Эти маленькие обезьянки, с бакенбардами на щёчках, за что им и дали «гусарское» звание, живут, конечно же, в Африке! Там же, где живут их лучшие друзья: огромные слоны, высоченные жирафы, толстенные бегемоты и много-много разных копытных животных: зебры (полосатые лошадки), антилопы, маленькие косули и большие рогатые буйволы!

А ещё там, конечно, прячутся в зарослях львы и леопарды. Эти хищники выходят на охоту, когда голодные. А когда сытые, то антилопы бродят рядом и наступают копытцем льву на хвост! А Лев (Царь зверей!) даже не открывает глаза, онф только отмахивается лапой: «Отойдите, вы разве не видите, что Царь отдыхает и его покой никому нельзя нарушать, даже маленьким львёнкам!»

Мартышек приобрести очень непросто...

Но... Ещё труднее от них избавиться!

В дверь позвонили. Я открыл. На пороге стоял пират Билли Бонс (это мой внук Гордей, 2,5 года ему. Смотри фото!). Он ткнул мне пистолем в живот и сказал:

– Джон Сильвер, я тебя выследил! Хай!

– Били Бонс! Мой старый корабельный товарищ! Заходи в мою каюту! Мы с Капитаном Флинтсом (попугаем) давно поджидаем тебя!

Билли Бонс (Гордей, 3 года) – пират

– Полундра! Все наверх! Гордюша, иди сюда! Я – капитан Флинт, хорошая птичка! Ташка, корми пташку! Капитан, капитан, улыбнитесь! – это прокричал мой серый попугай «корелла» и захлопал крыльями над нашими головами. Так он выразил радость от прихода к нам Гордюши, то есть – Билли Бонса.

– Деда, Джон Сильвер! Давай, рассказывай, куда дел своих мартышек?

– Ты прав, Билли! Это была трудная задача – избавиться от этих маленьких непоседливых воришек...

– Джон, давай сначала. Откуда они к тебе попали? Где ты их поймал? – спросил Билли.

– Ну, конечно же, мне подарили их в Африке. Эти зелёные мартышки или «гусарчики» (у них на щеках растут бакенбарды!) бегают там по улицам и крышам и совсем не боятся людей. Напротив, люди прячут от них всё, что плохо лежит. Они могут утащить даже... серьги из ушей!

Но обижаться на них совершенно невозможно. У них такие симпатичные рожицы, глазки с ресничками, ручки с красивыми ноготками, а пальчики, как у людей, имеют *папиллярные узоры!* При этом они сердятся, смеются и даже плачут, как люди. А какие они строят рожицы, когда кривляются, угрожая! Можно смотреть на них часами, как в кино, и умиляться!

Когда нашему старпому – Володе Касаткину подарили малыша Джона (ему было только 7 месяцев от роду), а мне Джулию, 2-х лет от роду, мы даже удивились: как же можно так вот просто расставаться с такими милыми, ручными и ласковыми друзьями?

Но довольно скоро оказалось, что нам их не подарили – по доброте душевной, а от них... *избавились*, как от неисправимых *шкодников!*

Вначале ко мне прибежал расстроенный старпом Владимир Касаткин:

– Прячь всё! У меня сейчас Джон разгрыз «паркер», авторучку, залил все бумаги чернилами и изорвал в клочья *все рабочие таблицы на зарплату* экипажу, которые я составлял два месяца! А сейчас он валяется на диване *пьяный!* Я подумал, что он – умер, вызвал врача. Она рассмеялась и сказала:

– Небось, вместе «бухали», а теперь кореша заложить решили? Не по-людски это, Владимир Георгиевич, вы же – не помполит!

И впрямь: расследование показало, что, *окромя* спиртовых чернил из авторучки, установлена *убыль* тропического *вина* из стакана в настенном держателе.

Позже подтвердились факты неодолимой тяги к спиртному у особой обоего пола: как у Джона, так и у Джулии! Более того: они нагло вырывали стакан с вином прямо из руки пьющего хозяина! И лезли своей мордочкой прямо в стакан пьющего!

Недолго я злорадно хихикал над *траблом* (несчастьем) старпома: вернувшись в каюту с вахты, я еле сдержал себя в руках, чтобы не расплакаться или не *прибить* Джулию чем попало: мой *карго-план* (детальный план размещения всех грузов в трюмах) был изрисован цветными фломастерами в манере сюрреализма – так, что Пикассо упал бы с катушек от зависти... Единственное, за что я благодарен был Джулии: она «от души» и вдохновенно размалевала мой карго-план всеми цветами радуги, но, слава тебе Господи, – не изорвала! И на том спасибо! Есть из чего копировать...

Мы с Володей Касаткиным вызвали к себе газоэлектросварщика:

– Проси у нас что хочешь, только срочно, немедленно, свари из трубок клетку для наших «гусаров»! Иначе мы их выпустим на волю из своих кают! И вам же всем будет хуже.

Угроза возымела действие, и на следующий день Джон и Джулия справили новоселье в собственной «каюте» типа СИЗО (в капроновой сетке под «тропическое» вино. В тропиках ежедневно выдавали по 300 граммов в день сухого вина). Клетку поместили в моей каюте. Мы трое – Касаткин, рефмеханик Гимпельман и я – перестали ходить в кинозал. Мы сидели у меня в каюте и умирали со смеху, наблюдая, как малыш Джон мучил Джулию, а она никак не могла его уговорить и стойчески терпела издевательства...

Подружились мы с Джулией не сразу. Первые два дня она сидела на карнизе иллюминатора (окна) и строила мне ужасные рожи: пугала меня. Иногда она прыгала на стол, где я выставил для неё угощение: яблоки, бананы, апельсины и конфеты, хватала что-нибудь и снова запрыгивала на карниз, под потолок, пучила оттуда на меня глаза и щерила острые зубки.

Меня возмутила такая неблагоприятность, и я тоже стал показывать Джулии страшные рожи...

Но однажды я проснулся от того, что у меня на груди сидела Джулия и... искала блох у меня в волосах на голове, на груди и даже в бровях. При этом она что-то совала к себе на зубок и щёлкала... А после «убийства» очередной блохи заглядывала мне в глаза в ожидании благодарности! Я гладил её по головке и приговаривал:

– Спасибо тебе, дорогая моя Джулия, ведь я даже не подозревал, что у меня, как у бродячей собаки, столько блох! – Джулия скалилась в улыбке, глаза у неё стали добрыми, ласковыми, заботливыми.

Через день ко мне в каюту зашла уборщица Вера, пожилая женщина, и боязливо остановилась у порога:

– Она меня не укусит, ваша подружка? – спросила Вера, Джулия в это время заняла позицию под потолком и вперила в Веру пронзительный, изучающий, немигающий взгляд. «Просканировав» Веру, Джулия определила: хороший человек. Запрыгнула к Вере на плечо, Вера так растрогалась, что тут же предложила мне искупать Джулию в раковине умывальника. Что мы и сделали, после чего Джулия моментально заснула прямо у нас на руках в махровом полотенце, как это делают маленькие дети.

Но когда появлялся в дверях штурман Володя Бабенко, Джулия верещала, делала рожи, бросалась на Володю и кусала его. И так она поступала с каждым новым гостем: одного привечала и обнимала, а другого гнала прочь и кусала. И чтоб разобраться, кто есть друг, а кто – враг, ей хватало одного пристального взгляда в глаза входящему. Я подумал: а ведь хорошо иметь такого гарда, защитника: он быстро распознаёт плохих людей, мудрая природа наградила этих зверушек таким инстинктом. А ещё люди говорят: «не обезьянничай!», то есть, не копируй другого. И это – тоже удивительная способность у мартышек. Стоило один раз Джулии посмотреть, как я открываю дверь каюты и... для неё пришла свобода! Она подпрыгивала, правой рукой хваталась за ручку двери (при этом ручка под весом её тела проворачивалась), а левой рукой отталкивалась от наличника. И – дверь нараспашку, а Джулия могла шастать по соседним каютам, не обращая внимания на нервное, негостеприимное поведение хозяев.

А когда ко мне обратились не только женщины, но и мужчины с заявлениями о пропаже парфюмерии и золотых вещей, я сделал обыск в своей каюте. К тому же, мои постояльцы были замечены в неадекватном поведении: их качало, они промахивались в прыжках и задирались, а в моей каюте появился запах... чужих духов. Обыск дал поразительные результаты: между диваном и кондиционером я обнаружил два пустых флакона (мужской – «Шипр» и женский – «Красная Москва»: даже не поделились с хозяином, сами выпили втихаря!), тюбики кремов, губная помада и... о, Боже! – золотые вещи: 4 кольца, серёжки и цепь с кулоном! Что обо мне подумают хозяева-ротозеи? Что я – в доле? Но и это ещё не всё. В самом уголке, у плинтуса, мирно спал... котёнок! У его мордочки лежала кучка еды, припасённая заботливой рукой Джулии! Она поделилась с ним самым дорогим – кусочком банана! От сердца оторвала!

Пришлось рассекретиться и объявить по судовой трансляции, чтобы хозяева пришли ко мне за вещами и котиком, а впредь чтобы свои каюты *закрывали на ключ даже во время сна!* Жулики не дремлют!

Правда, капитан дал моим нелегалам срок: только до берега! И приказал держать жульё только в клетке... Легко сказать!.. А котика повариха забрать у Джулии не смогла. Джулия прижимала его к груди, как младенца, и качала, а он мирно спал кверху пузиком и даже мурлыкал. Решено было оставить котика на воспитание Джулии. Поставили им блюдце со сгущёнкой и они лакали вместе и даже не ссорились.

Хотя клетка была большого размера: метр двадцать на восемьдесят, сидеть на месте мартышки не умеют, а прыгать в клетке – тесно... Приходилось их выпускать, и они носились по каюте друг за дружкой. Но стоило отвернуться, как они распахивали дверь, мчались по коридорам, палубам и даже взлетали на мачты!

Наш теплоход «Карл Линней», прозванный «Рысаком» за большую скорость (17 узлов, 400 миль в сутки или 750 км!) отправился из Экваториальной Африки домой, в Калининград, и через четыре дня тропики остались за кормой. А ещё через пару дней мы достигли Бискайского залива, который встретил нас *снегом и морозом*... Штормило несильно, но в Бискае всегда зыбь и толчея идут с разных сторон – залив, однако...

Я заступил на вахту, видимость была почти нулевая, и я больше смотрел в радар, чем на палубу, которую заметал снег. Но вот я взял бинокль, приложил к глазам и обомлел: на грузовой колонне, крепко обнявшись, сидели, запорошенные снегом, мои мартышки. Сидели, видимо, уже давно, их успело изрядно замести снегом, и издали они напоминали сугробик.

Я заволновался, мой матрос-рулевой предложил мне помощь: залезть по скоб-трапу на грузовую колонну-мачту с мешком и снять беглянок. Но я не мог разрешить матросу так рисковать собой, я видел, что колонна и скоб-трап *покрылись коркой льда*, а мартышки, к тому же, пристроились на самом краешке площадки для крепления стрел, более чем в метре от колонны, и... держались за трос. Уже не помню, как я достоял вахту...

Надев куртку с молнией, полез я на колонну. Руки обжигала ледяная корка, а колонна-мачта, в резонанс с качкой, описывала в небе восьмёрки. С марсовой площадки я дотянуться до моих околечивших мартышек не мог – я держался за оледеневшую колонну и, изогнувшись, тянул руку к ним... Чуть не плача, я умолял их перебраться ко мне за полог открытой куртки...

Джон и Джулия смотрели мне в глаза со смертельной тоской: «Разве ты не видишь, что мы боимся отпустить трос, за который так крепко держимся?»

В это время капитан судна Борис Григорьянц увидел в свой иллюминатор описываемую картину и всё понял. Он взбежал на мостик, уменьшил ход и развернул судно носом на волну, для снижения размахов качки.

То ли мартышки поняли ситуацию, то ли я рискнул оторваться на миг от спасительной колонны, но протянули они ко мне свои ручонки, и удалось мне затащить их по очереди к себе за пазуху... Спускаясь вниз, я цеплялся задубевшими пальцами за обжигающие скобы оледенелого трапа и говорил уже другие слова: я костерил их на чём свет стоит...

Достигнув неустойчивой, но надёжной тверди палубы, я испытал огромное облегчение и заглянул за полы своей куртки. На меня смотрели четыре немигающих виноватых и благодарных человеческих глаза. Предки наши, однако!

И тут же я услышал голос рассерженного капитана: мол, я недалеко ушёл от мартышек в своём IQ (Индекс умственных способностей индивидуума).

Джон в ШИЗО (штрафном изоляторе) отбывает наказание...
за воровство

Доставили беглянок к судовому врачу. Она измерила им температуру, прослушала стетоскопом и сделала профилактические уколы. А после мартышек поместили в... ШИЗО – штрафной изолятор. Это – просторная плотницкая под полубаком, где мы натянули под подолоком капроновые сети. Джон и Джулия там резвились, как в родной Африке!

Привозить в Россию животных можно, но сложно: нужны сертификаты о здоровье и разрешение таможни страны вывоза... Разрешение на ввоз. Куча бумаг!

Мы с Касаткиным рассчитали время прибытия на борт таможни и карантинных властей и устроили нашим мартышкам застолье, дипломатический раут с приёмом спиртного! (Благо они к спиртному питали слабость, как наши бомжи!) Мы налили им по 50 граммов сухого вина под классную закуску – банан, себе – побольше, и выпили, как положено – «С приходом!».

Через пять минут мартышки сладко спали, мы уложили их в кровать и укрыли одеялом. Так они благополучно пересекли границу!

Береговая жизнь «Новых русских» Джона и Джулии началась в моей коммуналке. Коммуналка – это означает, что в одной квартире живут три хозяина (в моём случае, а в Ленинграде я был у капитана в коммуналке на 15 хозяев! И на входе было 15 кнопок звонков с фамилиями жильцов! Упаси Бог ошибиться, вся команда будет «на ушах»!). Один мой сосед-морjak был не в счёт: он, как и я, появлялся *налётами*, между рейсами. Но второй сосед – электросварщик с женой и малышом в два года – был проблемный. Они имели виды на мою комнату и моё заселение их огорчило. А *подселение* ещё двоих *некоммуникабельных жильцов* (проще сказать – настоящих хулиганов!) Джона и Джулии встретили враждебно. Поднесённые мною «забугорные» дары всем троим *на время* примирили их с новыми жильцами под моё клятвенное заверение в их миролюбии и строгой изоляции на моей территории... Однако!..

Уже на второй день случилось ЧП (не частное предприятие, а чрезвычайное происшествие)! На общей кухне соседка Таня налепила пельмени, разложила их на двух досках. Когда вода закипела, Таня с одной доски спустила половину пельменей в воду. Повернувшись к столу за второй половиной, она обнаружила, а точнее не обнаружила пельменей на второй доске. Вначале Таня опешила! Но, обернувшись, увидела, что из-под крышки *мусорного ведра* торчат две головы соседских жильцов с раздутыми до неузнаваемости щеками... В ручках у них тоже были зажаты пельмени... Скандал удалось быстро погасить с помощью косынки с надписью «Gibraltar Rock» и поделиться по-братски бананами с малышом. Оказалось, что навык открывать каютную дверь пригодился мартышкам и на берегу: пока я плескался в душе, они тихонько проникли на кухню.

Но, сжалившись, я открыл дверь на балкон – пусть подышат свежим воздухом! Через пару часов ко мне пожаловали соседи *со смежного подъезда*, балкон которых был на одном

уровне с моим, примерно в двух метрах. Оказалось, что пожилая соседка долго копалась у себя на балконе – высадила рассаду цветов в подвешенные к перилам короба. Она не заметила, что за ней зорко следят четыре глаза! Закончив многочасовой труд, вполне удовлетворённая собой соседка, пошла на кухню набрать воды для поливки рассады. То, что произошло далее, соседка сочла за *мистификацию* или проделки мужа, режиссёра драмтеатра: *оба цветочных ящика оказались идеально пусты!* Она долго сидела в полной прострации, не решаясь позвать на помощь мужа: вдруг он сочтёт её за *сумасшедшую*?

Однако ушлый старик быстро нашёл разгадку *пазла*: внизу, под балконом, он обнаружил всю рассаду, а на соседнем балконе *подглядывающие две рожицы!* Старики вначале собрали внизу всю рассаду, благо извлечена она была из ящиков очень аккуратными пальчиками! А после пришли с вопросом ко мне: «Есть ли смысл высаживать рассаду снова?»

И снова пошли в ход *презенты*: пакет с итальянской «Болоньей» и цветной зонтик для дамы уладили дело... Пока...

Природа научила этих маленьких зверушек схватывать всё на лету!

В моё отсутствие они открыли дверь на балкон, перепрыгнули на рядом стоящее дерево, по нему спустились на землю, а *на первом этаже располагался «Гастроном»!*

Вернувшись домой, я был атакован у входа разъярённой квадратной тётёй (администратором гастронома) и участковым милиционером.

Они совали мне под нос акты на испорченные продукты (Я – согласен!) и *похищенные* (Я – не согласен! Не могли две маргышки унести ящик «Грильяжа в шоколаде»! и поднять его по дереву на балкон!) Никакого грильяжа в комнате не было, а что там у моих *бандюганов* было за щеками – я не знаю, они со мною не делились, а вещественные доказательства спешно проглатывали... Однако акт я подписал и неподъёмную цифирь убытков выплатил: с торгашами-ворюгами не поспоришь. А мои воришки сидели дома смирененько, с перепачканными шоколадом рожицами и набитыми защёчными мешками... Типа: «Это – не мы! Чес-слово!»

Позже моя соседка Таня рассказала, что произошло внутри магазина, она стала случайным свидетелем, когда спустилась за молоком. Это напоминало цирковое представление и вызвало восторг у покупателей: по стеллажам и витринам носились два чертёня, успевая по пути совать себе за щёки всякие вкусности, а за ними бегали с вениками и швабрами толстые, ожиревшие тётки-продавщицы и вся бухгалтерия с уборщицами и грузчиками... Народ свистел, улюлюкал и хватался за животики... Пока не догадались открыть все двери нараспашку! И тогда воришки так же молниеносно исчезли, как и появились...

К тому времени я получил престижную береговую должность в Управлении флота, работающего на Кубе, и таким образом на целый день оставлял маргышек на хозяйстве одних. Я сажал их в клетку и завязывал капроновым шнуром дверцу *тридцатью* морскими узлами! То же самое я делал и с дверью, ведущей на балкон. Комнату запираю, но ключ оставляю тут же, на гвоздике, для доступа соседям: а вдруг мои жильцы замёрзнут и вздумают развести посреди комнаты костёр, чтобы погреться?

И пошло-поехало... Каждый день я возвращался домой с дрожью в коленях: «ну, что сегодня ещё *ОНИ* придумали, чтобы нам с ними было нескучно жить?».

Захожу вечером, после работы в свою, ставшую вольерой, комнату, смотрю: все 30 морских узлов развязаны, клетка пуста, дверь на балкон распахнута. На напольном ковре валяются мертвецки пьяные Джон и Джулия. Мордочки измазаны губной помадой, пудрой и кремом. Рядом с ними пустой флакон духов «Душистая сирень» и... чужая женская сумочка. Возле трельяжа – женская шляпка-менингитка (примеряли, наверное!), косметичка и остатки парфюмерии. На зеркале – мазня помадой, это они мазали и пудрили своё отражение! Открыл сумку: там – немного денег, блокнотик, ключи (!) и пропуск в порт. На фото – молодая пострадавшая. Делать нечего, взял из своих запасов «для белых людей» бутылку греческого коньяка «Метакса» и пачку американских сигарет «Кэмэл» и пошёл сдаваться участковому,

ставшему «крышей» после аврала в «Гастрономе». «Крыша» дала понять, что *не возьмёт меня по делу* вместе с грабителями (ст. 145, часть 2, УК РСФСР – Грабёж или открытое похищение имущества, совершённое группой лиц по предварительному сговору. До 10 лет строгого режима!), если я добавлю ещё поллитру! Пришлось поскорее согласиться, пока «крыша» не дошла до кондиции и не выставила меня на целый ящик... Дал слово «крыше» сегодня же купить пару висячих замков.

Мой покой был нарушен на следующий же вечер. Вернувшись с работы, я обнаружил: по всему ковру разбросаны ломти батона, всё это полито кефирчиком и сверху присыпано сахарком!.. Рядом валялись: детская вязаная шапочка, пустые кефирные бутылки, пакет с остатками сахара и сетка-авоська. Всё ясно: налицо – рецидив, кто-то снова подвергся ограблению! Висячий замок на дверце клетки был цел и невредим, однако в оплётке клетки зияла дыра: прогрызли и ушли в бега. Дверь на балкон была распахнута, я не успел привинтить на неё ушки для замка.

Я вышел на балкон оглядеться, не видно ли пострадавшей? С соседнего балкона меня окликнула мадам-цветочница: «Вот сию, охраняю свои цветы, раз уж вы снова выпустили своих неугомонных зверушек. Да, я видела, как они час назад спрыгнули с дерева на плечи девочки, – она вышла из магазина, – отняли у неё авоську и шапку с головы и умчались по деревьям в вашу комнату делить награбленное. Девочка, видимо, сильно испугалась и сразу убежала за угол дома. Мы будем на вас жаловаться в милицию! Может быть, вы специально надрессировали ваших обезьян, чтобы они воровали для вас чужое имущество! Ловко вы придумали. Безобразие!»

Я сел за телефон на работе и начал рекламную кампанию: звонил знакомым и предлагал своих мартышек. От всех звучал сразу встречный каверзный вопросец: «А почему ты решил избавиться от них?»

Пять раз я отвозил мартышек «насовсем» к разным своим знакомым и все пять раз они через короткое время требовали их забрать назад даже с вознаграждением за хлопоты. Дела...

А жизнь сама продиктовала нам расставание: меня пригласили на работу в Москву, во Всесоюзное объединение «Судоимпорт», *на штат льва, но со ставкой зайца* – без предоставления жилья... И я поехал в знаменитый, ещё Кёнигсбергский, переживший войну, зоопарк. Пришёл и нагло заявил, дескать, «много денег за мартышек с вас требовать не буду, я человек не жадный»... Но... От администраторов я услышал такое:

– Сметой не предусмотрены расходы на содержание ваших животных, а поэтому – с вас причитается... за ещё три месяца до конца года и новой сметы – по сто долларов за каждую особь в месяц (корм – фрукты, витамины, лекарства и услуга), итого: 600 долларов (в рублях, тогда доллары были вне закона). Не знаю, что было горше для меня в тот момент: расставание с долларами или с моими «братками»... Наверное, и то, и другое...

Меня проводили в остеклённую вольеру, где содержались такие же обезьяны, и я попытался выпустить их. Но не тут-то было! Обе мартышки обняли меня за шею и вцепились так, что с помощью двух служек их еле оторвали от меня с криками: «Убегайте скорее!»

Убегая, я обернулся назад и увидел... слёзы на скукоженных страданием мордочках моих милых и доверчивых друзей... в руках чужих людей...

Прошёл год. В Москве мне предложили поездку в командировку в город Калининград, как местному старожилу. Я накупил бананов (исключительная редкость в те времена!), апельсинов и других фруктов и сразу же отправился в зоопарк, который, кстати, располагался прямо напротив гостиницы «Москва», в которой я остановился. И я видел из окон своего номера купола вольер, где сидят мои друзья, и ни о чём другом думать не мог – волновался.

С невероятными трудностями мне удалось уговорить служителей зоопарка разрешить мне покормить моих мартышек – у них был карантин.

Только я вошёл в огромное стеклянное бунгало, как на меня из стаи стремительно, в секунды, молнией бросились мои Джон и Джулия и охватили изо всех своих силёнок мою шею... а свободной ручкой набивали себе за щёки банан, опасно озираясь на возбуждённых соседей...

Они меня узнали через год *по мгновенно брошенному взгляду!*

Как я покидал бунгало-вольеру, рассказывать не стану... Тяжело...

Как и тогда, в момент их поселения в чужую стаю, были цепкие объятия и слёзы... И опять их оторвали от меня служки...

– Послушай, Джон Сильвер, а ты скучаешь по своему маленькому *тёзке* – Джону? – спросил меня Билли Бонс и сморщил носик, едва сдерживая слёзы.

– Очень скучаю! Они же, обезьянки, – тоже *люди*... только живут в натуральном и мудром мире Природы. Вот у отважного исследователя Дальнего Востока – Владимира Арсеньева был добровольный помощник – абориген, гольд (это был такой кочевой народ), таёжный охотник Дерсу Узала. Так Дерсу разговаривал с тигром и объяснял Владимиру Клавдиевичу: «Амба (тигр) – он тоже *люди!*». Ведь только десять процентов правил поведения человек приобрёл с интеллектом, а девяносто ему заложила в программу Матушка-Природа в виде инстинктов. У обезьян эти инстинкты обострены, востребованы и одарили их сверхспособностями, которые Человек, за ненадобностью, к сожалению, утратил. Я имею в виду то же *сканирование взглядом*, т.е. мгновенно, по глазам особи, определять *степень угрозы* от чужака!

– Джон Сильвер, а ты привезёшь мне самую маленькую на свете обезьянку? Мы будем с ней вместе гулять и дружить! – взмолился Билли Бонс.

– Это мы поручим твоему папе Яше, он ведь тоже *немножко пират* (моряк). И закажем ему привезти нам *обезьянку – игрунку!* Ещё их называют *мармозетки* или *rocket monkey* (карманная обезьянка) за их малый рост. Взрослая особь ростом всего 13 сантиметров, а малыши – вполовину меньше. А за то, что они – непоседы и очень забавные, их и назвали – *игрунки*. Их семь видов (тамарины, львиные, белоухие, куля, хохлатые, золотистый, пегий, эдипов). Они проживают в лесах Амазонки, в Южной Америке, и занесены в Красную Книгу. Живут семьями, причём в семье старшая – самка (*матриархат*). Они очень дорогие! Одна особь стоит более тысячи долларов! Но у французских и испанских моряков есть *фишка*: за столом в ресторане *для прикола* посадить в бокал *игрунку* и потешаться над её *мимикой и выкрутасами* в бокале. Примерно такая же, как и мода у дряхлеющих, бездетных *дам* таскать на руках мини-собачку *йорк-терьера* или *пекинеса*.

Рассказ о великих книгах (Детские «недетские» книги)

Во время войны, в 1942 году, в оккупированном немецкими войсками городе Таганроге, мы – «ватага» беспризорных пацанов от 6 до 14 лет нашли себе пристанище для проживания в подземных галереях разбомбленного мелькомбината: «Дети подземелья» нового времени...

Вылазки «наверх» для добычи пропитания у оккупантов – немцев, румын и итальянцев – планировали «взросляки», старшие, которым было уже по 11 – 14 лет по возрасту и... лет по двадцать – по жизни. «Шибздики» – малолеток, которым было от семи и чуть поболее, засылали наверх попрошайничать («побираться») и собирать «бычки» (окурки). Дело было почти бесполезное: у «наших», у населения, подавать было нечего. Многие уже сами опухали с голоду. Окурки на землю (такое богатство!) мог бросить только цивилизный немец, а жлоб-итальянец и ворюга-цыган (румын) – так те – зачисляли на «докур». Кроме не всегда удачного «улова» на «бычки», пацанам (шибздикам) была *дана* задача: в «разбитках» (разбомбленных домах) «пошукать якогось папиру – книг, чи газет на курево, на самокрутки».

В один из неудачных (по окуркам) дней, мы с Костой-греком пошли «по бумагу» шарить в обгорелых остовах разбиток-двухэтажек.

И вот – удача: «Мабуль, тута жили пацанёнки: несколько обгорелых книжек С КАРТИНКАМИ!» – обрадовались мы.

Я стал рыться, чтоб отобрать и спасти от курцов книжки с картинками. Две мало-мальски уцелевшие книжки я спрятал за пазуху, а взрослякам набрали в «оклунок» всякой обгоревшей рвани: им всё равно, чего смалить!

Читать в нашей ватаге могли только двое: я (по складам) и Сёмка-солдат. (Он – доброволец, ему – 18, он не успел уйти с отступающими, так как стоял на посту и его «забыли»).

В подвале, при свете «каганца» (самоделка-плашка с моторным маслом и фитилём из ваты, надёрганной из «кухвайки»), я объявил пацанам названия наших удачных находок: «Красный корсар» (Фкнимор Купер) и «Остров сокровищ» (Роберт Стивенсон).

– Красный ...энтот самый, он чё? Командир, чи што ли? А чо вин на хвелюге, а ни на кони? – удивились пацаны.

– Не! Давай лучше про сокровища! Иде тама их пошукать нам бы!

И я читал им (иногда с повторением уже прочитанного!, но запавшем в душу!) там, глубоко под землёй, в сырости и мраке, увлекательные сцены из морской жизни пиратов, рисовал им чарующие картины тропических островов... ведь вокруг были одни руины ...голод, холод... и полная неизвестность в будущем...

За почти три года (нас отловили «легалы» только в 44-м году!) мы с Сёмкой (до его ареста СМЕРШем) прочитали «Остров сокровищ», с повторением прочитанного, более десяти раз и, необременённые знаниями наши головки, *запомнили тексты наизусть!*

Как оказалось, – на всю жизнь!

Прошло очень много лет. Велика роль *печатного слова!* Не без подачи Роберта Стивенсона и Дмитрия Лухманова я стал капитаном дальнего плавания.

С болью в сердце, отвлекусь от темы, чтобы обратить внимание на вопиющий факт: сейчас записаться в библиотеку и взять книгу в библиотеке на дом наш пацанёнок может ТОЛЬКО ЗА ДЕНЬГИ! (Даже в оккупации, как и в заклеянное советское прошлое, книги на руки ВЫДАВАЛИ БЕСПЛАТНО!). Вот и раздумывает пацанёнок: «Купить «Чуп-чупс» или взять книгу на дом?»... Часто книгу побеждают заморские «суррогаты радостей новой жизни»...

Две дочери, с разницей в возрасте в пять лет росли... с мамой, а папа – плавал...

В редкие посещения *родных пенатов, отец (Я!) обнаруживал повзрослевших деток. Мама Таня, пыталась вовлечь папу в процесс воспитания дочек и часто просила: «Ну, ты бы хоть СКАЗКУ рассказал ребёнку!»*

Бессмысленность и жестокость сказок я отвергал начисто, ибо ни в беспризорном, *вольном*, детстве, ни в *детдомовском братстве* сказки никто нам не рассказывал – реальная, суровая жизнь противоречила басням и выдумкам. Мы слышали от «взросляков» только припевки и частушки и те были блатного или вульгарного содержания, типа: «На горе стоит *точило*, под горою – паровоз, *ОНА на НЕГО* наскочила, получился *шмаровоз!*» Частушки не оставались в памяти жизни и не давали идею... Ещё Великий Владимир Владимирович Маяковский писал: «Уничтожайте *ерунду частушек!*»...

Но! У меня в запасе *КОЕ-ЧТО было!*

Это были, наизусть вызубренные *перлы*: «Остров сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона и «Робинзон Крузо» Даниэля Дэфо – такие близкие к жизни и взятые из реальной жизни (прототип Крузо – матрос Александр Селькирк, реально высаженный на необитаемый остров, согласно пиратским незыблемым Законам, за бунт или непослушание!).

Вот это интеллектуальное *оружие* я и применил в воспитании моих дочек! (Жена Таня кривила носик и ..., как выяснилось позже —проиграла!). Они слушали, открыв рты и постоянно уточняли: «А это *правда* – всё так и было?» Пришлось клясться пиратскими клятвами: «Сто тысяч чертей! Да чтоб меня вздёрнули на рею, если я хоть на один пиастр соврал вам! Век не пробовать мне ни капли рому!»

Однажды, возвратясь домой из длительного рейса в Индию, через семь месяцев: мы «стояли» на линии FIL (FESCO INDIA LINE), мы с Таней обнаружили в моём кабинете, где вместо обоев, была наклеена на всю стену карта «Мировой океан», следующую картину:

На ковре, на животе, лежала старшая дочь Аня (11 лет) среди десятка разбросанных книг о пиратах. (Я потом разобрался и был удивлён и поражён тому, что *существует* столько книг о пиратах!). Она диктовала младшей дочери – Ире (6 лет):

– Ну-ка, найди мне на карте остров Тортуга, что по-испански означает – Черепаха. Там было пристанище пиратов, где они отдыхали после утомительных плаваний. Широта – 20 градусов северная, долгота 47 и 2 десятых западная.

Малая дочь Ира подставила табурет (карта была во всю стену) и стала водить пальцем по градусной сетке широт и долгот.

– Ты что же делаешь! – вскричала Аня. – Ты портишь карту своим пальцем, испачканном в шоколаде! Возьми указку!

Ира, сконфузилась, взяла указку и полезла вновь на табурет шарить по карте.

– Ой! Что же я, дура, ищу остров Тортуга в восточной долготе, ты же сказала мне – он – в западной долготе и молчишь! – спохватилась *шестилетняя* Ирина.

– А я тебе, дуре, сколько раз говорила, что слева от Англии – западная долгота, а справа – восточная! Неужели так трудно запомнить такие *пустяки!* – ворчала старшая Аня.

– Вот он, остров Тортуга! Рядом с Гаити! Нашла! – победно воскликнула Ира.

– Ты что же с дочками делаешь? Это же не мальчишки... сокрушалась Таня.

– Зато они познают такой огромный и такой маленький Мир нашей Планеты – Земля и её прелестные уголки по всему Свету! Расширяется Круг их познаний и увлечений.

Прошли ещё годы.

Старшая дочь Анна, окончив ДВ Университет (Экономика. Финансы и кредит) нашла себя в... сугубо морском деле: уже много лет работает зам. нач. отдела контейнерных перевозок в Дальневосточном морском пароходстве, в центральном офисе, в Москве.

Младшая дочь Ирина, окончив ДВ Университет (Менеджмент бизнеса), работает в морском порту Владивосток по растаможке импорта.

Велика сила **КНИГИ** – источника знаний и жизненных ориентиров!

И это ещё не все перипетии книги «Остров сокровищ»...

История *любит повторения!*

У меня появился на свет внук Гордей – сын младшей дочери – Ирины. Ирина, как когда-то моя жена – Таня, с обидой, стала укорять меня, что я «даже сказки внуку не рассказываю»... Пришлось и ей объяснить, что я сказок не знаю и, более того, считаю их – глупой бессмыслицей. А есть более увлекательные и реалистичные истории, как например... книги «Остров сокровищ» и «Робинзон Крузо», которые я готов не только читать внуку, а даже рассказывать их *наизусть!!*

Внуку Гордею мои рассказы пришлись по душе. Ира приобрела Гордею пиратское снаряжение и одежду, а Гордей наказал отныне называть его только пиратским именем Билли Бонс! Меня, своего деда, он назвал «Джоном Сильвером».

Порывшись в книгах о пиратах, Билли Бонс (Гордей) заявил мне:

– Послушай, Джон Сильвер! Мы с тобой – пираты, но у меня нет *боевого парусного корабля!* Ты мне *поможешь* построить парусный корабль?

– Билли! Какой разговор! Я – в твоём распоряжении, – ответил я. – Пираты всегда помогают друг другу. Ведь это они первыми в мире изобрели великое и уважительное обращение: **«ТОВАРИЩ»!**

Строим пиратский парусник «Чёрный паук»

Недавно Билли Бонс (По секрету: это, конечно же – Гордей, мой внук, ему скоро будет три года!) обратился ко мне с просьбой, в которой я не смог ему отказать: так, пустячок!

– Джон Сильвер! Ты мне должен помочь! Я – пират, но у меня нет *боевого пиратского парусного корабля!* Я решил построить такой парусный корабль. И ты будешь мне помогать. Или ты не хочешь помочь «Старому Корабельному Товарищу»?

– Не вопрос, Билли! Какой разговор! Я конечно тебе помогу, если сумею... Но... ты сказал – «боевой» пиратский парусник... Я хочу тебя просветить: у пиратов все парусники были «боевые». Потому что пираты – это морские разбойники и, грабители, по сути – очень плохие люди. Когда их брали в плен, то их ...судили и казнили – вешали.

Однако, пираты достойны уважения за то, что они – смелые и отважные моряки. Они выносили невероятные страдания, постоянно, в штормах и бурях, плавая в океане в жутких бытовых условиях: на их кораблях была теснота и скученность, А в долгие месяцы, проведённые в океане, их рацион состоял из протухшего мяса, вонючей солонины, галет и затхлой воды. Ведь тогда не существовало холодильников! Берег и порты для них были опасны арестом и судом.

И они много сделали для Человечества своими открытиями новых Земель и стран! Они забирались в такие уголки Земли, куда не ступала нога человека!

– Так пираты – очень злые люди? – удивился Билли.

– Видишь ли, они делали одно общее дело, связанное со смертельным риском и на море и на берегу и это сближало их до уровня «братства». Они первыми, ещё до коммунистов, стали уважительно называть друг друга словом «*товарищи!*». На борту пиратского судна запрещались азартные игры (карты, кости) и пьянство. Запрещались драки и ссоры: все «междусобойчики» следовало разрешать только на берегу с помощью сабли или пистолета. За воровство у своих товарищей им отрезали уши и нос и высаживали на необитаемый остров. Все вопросы пиратской жизни разрешались общим голосованием, причём каждый, включая и капитана, имел право только на один голос.

– Деда, Джон Сильвер, а как же пиратская песня «Йо-хо-хо и бутылка рому»? Значит, пираты пили-таки ром? – побоялся быть обделённым Билли.

– Они «отводили душу» только на берегу: играли в азартные игры и пили ром направо. А на корабле им дозволено было пить умеренными приёмами лишь «гrog», который был вполне «безобидным» напитком: на стакан к *одной* части рома добавляли *ТРИ* части кипятка с лимоном и сахаром. И это составляло одну дозу, которую пили маленькими глотками, это похоже на наше чаепитие.

– А что *МНЕ* нужно, чтобы построить пиратский корабль? – сморщил носик Билли: у него возникли проблемы...

– Ну, тебе нужно только придумать *грозное* название, а мне – всё остальное: сделать чертёж и закупить кучу стройматериалов...

– А – чёрные паруса? С черепом и саблями?

– А паруса нам сошьёт бабушка Таня. Череп с саблями нарисует мама Ира. Осталось всего-навсего – построить корабль! Тогда – за дело, чтобы успеть к твоему дню рождения! К 31 июля, 2014 года, когда тебе стукнет аж три года!

– Ну, я своё дело уже сделал. Я грозное название уже придумал: «Чёрный паук». Теперь – твоя очередь! Мне помогать. Завтра начинаем, понял?

– Ес, сэр! Завтра приступаем и все этапы постройки снимем на камеру, идёт?

– «Роджер!» (По-морскому это означает: «Понял! Согласен!») – подтвердил Билли Бонсик.

Во время постройки Билли сидел на корме, крутил штурвал и командовал так, что сбегались все соседи по даче:

– Аврал! Все наверх! Паруса ставить! Крутая волна: держать на два румба правее! Йо-хо-хо и бутылка рому! (Соседи справа и слева хохотали!)

– Откуда Гордюша взял: «Крутая волна, держать на два румба правее»? Я его этим словам не учил! – спросил я Таню.

– Так его папа Яша – инженер-судоводитель! Он брал с собой Гордея при походах на катере на остров Рейнике, где Яша строит зону отдыха. Вот на катере Гордюша и «срисовал» команды рулевому!

И вот – этапы постройки нашего шлюпа «Чёрный паук»:

Закладка набора «Чёрного паука», 1 июля 2014 г.

Обсудили проект и ударили по рукам!

Далее представлены 4 снимка поэтапного строительства и – «Подъём пиратского Весёлого Роджера!» на готовом шлюпе «Чёрный Паук».

Гордюша (Билли) строго следит за качеством работы! 17 июля, 2014 г.

«Чёрный Паук» ещё без вант и косых парусов.
28 июля, 2014 г.

Пиратский парусник «Чёрный Паук» готов к спуску на воду!

При отплытии пираты писали на парусах: «ALL PAID!»

Это означало: «ЗА ВСЁ УПЛАЧЕНО!» и адресовано было владельцам таверн, салунов, бординг-хаусов (гостиниц) и... женщинам. И успокаивало их: в море уходят порядочные люди – без долгов!

Билли потребовал сделать и на его парусах такую же надпись!

– А ты, деда, *пингвинов* живых видел? – спросил Билли.

– Не только видел, но и *дружил* с одним малышом. Я его назвал «Гоша» и он быстро привык к своему имени и бежал «*в развалочку*» ко мне, когда я его звал. Я дразнил его свежей рыбкой, а он легонько щипал меня клювом за ногу: дескать, «отдавай рыбку, раз позвал меня!»

Пингвинёнок Гоша

У нашей Земли есть две «макушки»: на Севере – Арктика, а на юге – Антарктика. На обеих «макушках» – *полюсах* – толстый лёд и вечный холод. Люди там не живут. Зато там и только там! живут: в Арктике – белые медведи, а в Антарктике – пингвины!

Пингвины – это такие большие доверчивые водоплавающие птицы, которые не летают, а ходят *в развалочку*, пешком, как человек. Они совсем не боятся людей и очень любопытны. А когда они спешат, особенно *с горки*, они плюхаются на пузо и едут на своём пузе-животе, как на санках! Живут они дружными колониями и, как правило – парами: он и она. Они трогательно, по очереди, высиживают яйцо, а потом, также по очереди, ухаживают за птенцом. Когда *мама* уходит к океану ловить рыбу (а это бывает далеко за километр!), *пингвин-папа* охраняет малыша, согревая его между лапами, *в подбрюшье*. А когда возвращается *пингвин-мама*, ловить рыбу уходит к океану *папа*, а мама кормит и греет малыша.

Пингвины, как и лебеди, сохраняют *пару* на всю жизнь. Это называется *моногамия*. Когда мама возвращается с рыбалки в огромную *колонию*, она кричит: «Го-ша! Го-ша!» и находит в стае свою семью по ответу: «Мы здесь, мы здесь!» А как она находит своего малыша среди тысячи других в колонии, это не знают даже учёные. Они предполагают, что пингвины *сканируют* при поиске: они посылают и принимают электро-магнитные колебания и так они находят своего малыша среди тысяч других.

А что же они кушают, если вокруг одни льды? – спросил Гордюша.

– Антарктиду омывают аж три океана: Атлантический, Индийский и Тихий. Они и снабжают пингвинов свежей рыбкой круглый год! Вот на рыбку я и заманил Гошу к себе в гости! Я спустил за борт ведро на верёвке, в которое я положил свежую селёдку. Гоша сам залез в ведро и оказался у нас, на палубе! Он ничуть не опечалился, а подходил к каждому моряку и знакомился: торкал клювом в ногу. За что и получал кусочек рыбы и великодушно разрешал погладить себя по головке.

– Ну, и куда ты потом дел Гошу? – нахмурился Гордюша.

– На обратном пути мы зашли в Кэйптаун, это город на самой южной оконечности Африки. Мы встали на якорь на рейде в ожидании лоцмана и нас сразу окружили точно такие же пингвины, как и Гоша.

Мне стало жаль разлучать Гошу с его собратьями. И везти его через экватор, где даже вода сильно подогрета солнцем – было опасно! Ведь Гоша привык ко льду вокруг и холодной воде, где рядом плавают огромные ледяные горы – айсберги.

И я выпустил Гошу обратно в море на том же «лифте» (ведре!), на котором он прибыл к нам... К Гоше тут же подплыли его собратья и они вместе уплыли назад, в Антарктику... Гоша ещё долго оглядывался: он раздумывал, не вернуться ли ему к морякам...

– А какую самую большую рыбу ты поймал? – спросил Билли (Гордей).

– Я поймал на крючок однажды такую большую рыбу, что она была вдвое больше разведённых в стороны рук, (так рыбаки обозначают свой трофей – пойманную рыбу) более двух метров ростом. А называлась эта рыба — *тунец*.

— А ты не врёшь? Это – нечестно! – подозрительно сощурил иглаза Билли Бонс. – Забожись!

– Честное пиратское! Сто тасяча чертей! Чтоб мне болтаться на рее парусного брига, если я вру! – забожился я.

Тунец

Однажды мы работали тралом в Северном море у берегов Англии на научном судне «Ломоносов», это было в 1955 году.

При выборке трала часть сельди ускользала из тралового мешка и на неё пикировали огромные чайки-олуши.

Но, вдруг, мы увидели в толще воды стремительные тени с острым плавником, атакующие наш трал. На дельфинов они не были похожи. Наши учёные объяснили нам, что это – тунцы – очень крупные, хищные, промысловые рыбы из семейства *скумбриевых* (и похожи на них!) и ловят их на крючки.

Ах, – так? Тогда я попросил механика Бориса Наумова сделать мне огромный крючок, а тралмейстер дал мне бухту – 250 метров – 8-рядного, очень прочного капронового шнура-«сарачок», который я намотал на швартовую вьюшку. Боря сделал мне крючок, я привязал его тросиком к сарачку, привязал пловучесть – кухтыль и, наживив сельдь, стал забрасывать свою «удочку» в то место, где шныряли тунцы.

Один крючок разогнулся, когда его схватил тунец. Второй – Боря его закалил – обломился от рывка тунца... Неудача...

Вокруг нашего судна при выборке трала кружили норвежские тунцеловные сейнеры: мы увидели у них на палубе уже лежали серебристые «торпеды» – пойманные тунцы. Значит, всё дело, весь секрет – в крючке!

Тогда я взял у Бори Наумова блок сигарет «Прима» и стал подзывать ближе к борту норвежский тунцелов. Один из них приблизился на расстояние броска и я крикнул им: «Please, give me two hook, change by cigarette!» (Пожалуйста, дайте два крючка, в обмен на сигареты!). На палубе «норвега» расхохотались и бросили мне в перчатке два крючка, а я им забросил сигареты и они стали разглядывать такую диковинку: русские сигареты *без фильтра*. Жестами норвеги показали мне способ нанизывания наживки на крючок: в бок спинки сельди. Кстати, капитан тунцелова быстро сбежал на палубу, наорал на своего матроса и дал ему по шее: конкуренция!

Норвежский крючок, на удивление был *мал*, не более спичечного коробка, но он был в сечении *плоским* и на крючке была фирменная марка «ТИТАН», это – особый сплав!

Едва я закинул подаренный крючок, как его схватил тунец. Он так сильно потянул шнур, что я вытравил почти все 250 метров, чтобы шнур не оборвался. Тунец стал описывать круги вокруг нашего судна, а мы стали осторожно подбирать слаbinу шнура с помощью лебёдки. С большим трудом, нам удалось накинуть петлю на хвост тунцу и вывирать его на палубу. Он оказался «ростом» в два с половиной метра и весом в 240 килограмм. (Смотри на фото! Я стою рядом, мой рост = 174 см.) Вот какую рыбку я поймал на крючок!

Кстати, этого тунца мы заморозили и его после поместили на выставке ВДНХ (Выставка достижений народного хозяйства) в Калининграде).

Но это была не самая большая «рыбка», которую я лично видел, не считая китов, конечно.

В 1953 году я был матросом-практикантом на ТХС-191 (транспортно-холодильное судно) в Новороссийске, на Чёрном море. Однажды радист вручил капитану радиogramму с таким текстом-заданием: «Вам срочно следовать порт Азов, погрузка шести рыбин зпт назначением порты Анапа Сочи Ялта по две рыбины каждый порт»... Капитан и вся команда были озадачены: «Не шутка ли это: погрузить не 60 тонн ..., а *шесть* ...рыбин...?»

Послали РДО (радиogramму) в Управление флота с просьбой подтвердить рейсовое задание, мол, «Не поняли»...

Подтверждение пришло: «Погрузка *шесть рыб* и доставка на курорты по две рыбки каждому»... Да... «Вот так задание! Не задание, а – прикол! Ладно, там, в Азове, разберёмся» – подумали мы и взяли курс на порт Азов.

А вот какие «*шесть рыбок*» мы погрузили в порту Азов (устье реки Дон, Азовское море) смотри на снимке!

Эта рыба называется «*Белуга*», она из семейства *осетровых*. Это – самая древняя и самая крупная рыба на Земле. Она занесена в *Красную книгу*. Это значит – она охраняется всеми странами Мира. «*Ростом*» белуга бывает до 5 метров, а весом – до двух тонн!

Белуги на палубе нашего судна

Наши «рыбки» тянули почти по тонне весом каждая и в каждой было по три ведра чёрной икры!

Мишаня

В польском порту Гданьск, куда мы пришли на верфь Stochna Gdanyska на гарантийный ремонт, мы оказались рядом с нашим траулером, который пришёл тоже на ремонт из полярного Североморска. У него на палубе с утра до ночи резвился среди весёлых матросов маленький медвежонок.

Мы сходили в инвалютный магазин «Baltona», купили там коробку «французского» (польский «самопал») коньяка «Наполеон» и... медвежонок стал нашим!

Мы назвали его «Мишаня» в честь нашего старшего рефмеханика Михаила Гимпельмана, это он был «заводи́ла» «ченджа» (обмена) медвежонок на коньяк. «Мишаня» даже и не заметил подмены друзей, но к Мише Гимпельману он, вдруг, воспылал всем своим медвежьим сердцем: Миша владел большими запасами сгущёнки, которую он выдавал своим рефмотористам «за вредность». (Не за «вредность» мотористов, а за «вредность» производства – так положено на флоте!).

Это нужно было видеть, что вытворял *Мишаня*, когда ему давали банку сгущенного молока *с одной маленькой дырочкой!* Он поднимал банку над головой, по капле высасывал молоко и очень злился, что оно вытекает только каплями! Даже грыз банку и рычал и даже ... плакал... от такой «жадной» банки. Тогда мы пробивали вторую дырочку и Мишаня высасывал всю банку одним махом!

У Мишани было слабое зрение, но зато был очень тонкий нюх! Он учуял на палубе, возле камбуза, огромный бачок с компотом (кок выставил его для охлаждения!), открыл крышку и стал лапой выгребать фруктовую смесь к себе в рот! ... Пришлось коку варить компот снова!

Но Мишаня был такой «*проньра*», что за ним не успевали уследить и он *стал через иллюминатор (окно!)* лазить по женским каютам и угощаться всем сладеньким, что там удавалось найти. А потом заваливался спать в женские постели. Девушек это сначала забавляло, но, когда незваный гость стал посещать их даже ночью, они испугались и попросили запирать Мишаню на ночь.

На палубе с Владимиром Касаткиным – 2-м штурманом плавбазы «Иван Фёдоров»

Тогда Мишаня стал залезать ночью в постели к матросам. И однажды залез в кровать к спящему матросу, который накануне вечером изрядно выпил... сладкого ликёра «Шартрез». Мишаня учуял приятный запах из носа спящего матроса, присосался ... *к носу* и сосал всю ночь его нос. Утром матрос проснулся, на потеху всему экипажу, с огромным, *распухшим, лиловым* носом!

Однажды мы упросили капитана нашей плавбазы «Иван Фёдоров» Дмитрия Камкина разрешить нам поход на нашем спасательном мотоботе на морские пляжи и взяли, естественно,

Мишаню с собой. Следуя по реке, мы попали в водоворот под мостом и наш бот перевернулся... Все моряки выплыли на берег, а бот унесло сильным течением в море. Мы горевали, что среди выплывших на берег не оказалось Мишани. Мы подумали, что он – утонул... Было жаль его до слёз... Мы к нему уже привязались, как к члену экипажа.

За нашим ботом поляки послали спасательный катер с аквалангистами.

Они обнаружили в море наш спасательный бот, плавающий кверху килем, аквалангисты зацепили бот за стропы крана и перевернули бот в нормальное положение. И... бросились в рассыпную, кто куда! Испугались!

Мы не успели предупредить поляков, что с нами был ещё один моряк – медведь, который, наверное, погиб! И когда поляки бот перевернули, из-под банки (скамейки) выскочил с рёвом *живой и невредимый наш Мишаня!!*

Оказалось, что он залез под скамью и дышал там *воздушным пузырьём!*

Мы очень обрадовались, что наш Мишаня остался жив и ещё больше полюбили нашего *настоящего моряка* – Мишаню.

Через год мы отдали его в «Зоопарк» и ходили к нему в гости со сгущёнкой, конечно в руках! И он очень был рад встретить старых друзей!

Попугай Ханик

В индийском порту Бомбей мы выгружали автозапчасти из Японии и *чумизу* (бобовые, вроде нашего гороха) из Сингапура. Индусы работают медленно и стоянки длились неделю. Каждый день я ходил осматривать город и при этом непременно заходил в зоомагазин, который находился вблизи ворот порта Red gate, недалеко от нашего причала. Более всего меня интересовали экзотические птицы. Попугаи и Red mupia – типа *колибри*.

Хозяин магазина по имени Раджи-Хан заметил меня: я приводил к нему наших моряков. Перед отходом в рейс я зашёл попрощаться с хозяином и Раджи-хан очень был растроган моим вниманием к нему и подарил мне *птенеца попугая, соломенное гнездышко и пакет с кормом*, в знак благодарности за приводимых мною покупателей.

Я был удивлён: подаренный птенец был *голым, без перьев* и очень жалкий. Но Раджи-хан убедил меня, что это – Large Indian green parrot (Большой зелёный индийский попугай) – очень ценная порода крупных попугаев и я буду ему благодарен, когда птенец вырастет.

Я поблагодарил и одарил хозяина русским сувениром, но сам подумал: «Посмотрим, что из этого что вырастет?»

В каюте на письменном столе я разместил гнездо под настольной лампой и поселил в гнездо «Хана» (так я назвал попугайчика – по имени хозяина магазина), чтобы он не мёрз.

Через месяц Ханик стал обрастать пухом и пёрышками. Он стал вылезать из гнезда и... слушать музыку. На столе стоял музыкальный центр и Ханик сразу проявил к нему интерес: он распускал крылышки и подскакивал в такт музыке. А позже он стал довольно точно *подпевать мелодию* группы Skorpions, которую я ежедневно слушал с кассеты.

Ханик быстро рос и осваивался в моей каюте. Меня он, видимо, принимал за папу и на ночь лез спать ко мне в постель, на шею или в подмышки, где потеплее!

Через полгода я вернулся домой вместе с Хаником. Он сразу подружился с моими дочками Ирой (7 лет) и Аней (12 лет). Когда девочки садились за стол на кухне и ели манную кашу, Ханик расхаживал по столу и *хлебал* кашу из их тарелок, поочередно. Или черпал одной лапой (ногой?) и подносил к своему клюву. Так же он брал в лапу и колбаску, фрукты и... ничем не брезговал.

В то время поутру передачи радио начинались мелодией гимна: на кухне висел динамик радиоточки. Так вот, Ханик, за 5 минут до начала передачи, начинал насвистывать мелодию гимна, не сбиваясь ни на одной ноте! Кроме гимна, он напевал целые арии своих собственных сочинений, и при этом точно повторял мелодии, без импровизаций.

Ира и Ханик – друзья!

Ханик очень любил сидеть у кого-нибудь на плече и покусывать ухо, очки, нос. Вошедшему в нашу квартиру он сначала говорил: «Добро пожаловать! Вэлкам!» А потом, уже сидя на плече, он шептал на ушко: «Пошёл вон! Гоу эвэй!»

Спать его Ира укладывала на свою подушку, *кверху лапами, повязав косыночкой*, как куклу! И Ханик сладко спал, раскрыв клюв и высунув свой синий язычок!... в такой смешной позе.

У Хана на ноге было позолоченное кольцо с его именем и номером нашего телефона.

Но, однажды сильный ветер распахнул окно на лоджии нашего, пятого этажа и Ханик улетел... Преодолеть встречный ветер и вернуться назад сил у него не хватило... И нам никто не позвонил по номеру телефона, который был выгравирован на кольце у Ханика...

Наверное он улетел назад, на Родину в Индию... Ведь всех всегда тянет на Родину... Это называется – *ностальгия*...

Потрясающая новость! Невероятное событие!!! Сенсация 2015 года!!!

Пираты Карибского моря с острова Гортуга, что в переводе с испанского означает – Черепаша, в 1492 году открытого Великим Мореплавателем – Христофором Колумбом вдруг запросили политическое убежище ...у пиратов Билли Бонса – Гордея и, вновь посвящённого в пираты (14 июля 2015 года!) – Мирона, («Юнга Джим»). В честь его посвящения, на берегу Японского моря, была построена ветряная мельница в бухте Амбабоза (в переводе с аборигенского – Тигровая пасть), на мысе Черепаша, у одноимённого озера – тоже Черепаша! Как положено в пиратских морских гаванях тут же было открыто Казино на триста столов под названием «Tiger de Kristal» («Хрустальный тигр»), где пираты могли бы проигрывать свои золотые пиастры и дублоны, доллары и евро, юани и рубли...

Японское море, бухта Амбабоза, мельница Мирона («Джима»)

Пираты Японского моря

Пират Юнга Джим (Мирон)

Кровожадный пират Билли Бонс (Гордей)

Недетские рассказы о детях

Чоботы¹ Рассказ-быль

В детстве у меня не было детства.
Антон Чехов

Это были заграничные светло-коричневые полуботинки из очень мягкой, тонкой кожи, на кожаной подмётке. Внутри оклеены мягкой, кремового цвета, замшей. И были они необычайно легки! Ну разве ж можно такую красоту носить на ногах? По гравию, камням и даже по асфальту. Нет! Не можно. И Антон носил их только за пазухой, а на ночь прятал под подушку.

Воровства в детдоме, у своих (!), не случалось, даже когда на праздники выдавали конфеты. А, если случалось, то «крысятника» жутко били-учили сами пацаны. Но так, на всякий случай, чтобы не вводить шпану в соблазн прихватить его сокровище «на рывок» (побег),

Антон туфли прятал. Ведь в побег прихватывали обычно – постельное: две простыни, наволочку, полотенце и одеяло солдатское, очень удобное в дорогу, на продажу: всё барахло умещается в одном «оклунке» (наволочке) и не вызывает подозрений у «легалых». «Рывки» случались регулярно, раз в два-три месяца, одиночные, но чаще – групповые.

Бежали на юг, на море, в Таганрог, Ростов, на Черноморское побережье. А после освобождения – в Одессу, «в моряки».

Почти всегда беглецов отлавливала милиция и возвращала в родной, обворованный ими, Макеевский детдом №3 Треста «Макеевуголь».

Это был самый, самый опекаемый шахтёрским трестом детдом, переполненный собранной со всех, недавно оккупированных немцем территорий, бездомной шпаной в возрасте от 6 до 14 лет. После их спихивали в РУ (ремесленное училище) и в ФЗУ (фабрично-заводское училище) для обретения шахтёрских профессий. Там, как и в детдоме, их одевали в форму, кое-как кормили и обучали в течение 1—2 лет.

По окончании – пожизненно: на шахты, в забой и штреки, на подземные работы.

И что за народец, не только мальчишки, но и девчонки, собраны были под одной крышей – это нужно было видеть. Дети по возрасту, они были с недетской логикой, хитростью, изворотливостью! Лживые, вороватые и с самыми худшими замашками взрослого ворья: они уже и курили, и пили, играли в карты, таскали в кармане нож-финку и имели сексуальный опыт. А что за речь была у этих деток? Они «ботали по фене» не хуже взрослых: *Шибан, рубан, мандро* — это, к примеру, означало *хлеб*. Когда разговаривали между собой два «воспитанника» – никто вокруг ничего не понимал, что и требовалось. Пацаны спрашивают новенького: «Где тебя подрезали легавые?» Отвечает: «На бану „углы“ стерёг» (вокзальный вор чемоданов). Второго: «А тебя иде сХОВАли?» «Так на пианино же я шмендефЭрю», «Щипач, чи што ли?» (Вор-карманник). «Ага!» Третий: «Побирался я по вагонам, милостыню хАрил!». Женщина – *шмара, баруха, хабалка*, мужчина – *куркуль, жлоб, кошелёк, кугут*.

Детдом расположился в уцелевшем трёхэтажном доме среди пятиэтажных «разбиток» – жертв войны – на охраняемой территории бывшего НИИ угольной промышленности. Эти остовы взорванных корпусов института, да пятиэтажный шахтный копёр посреди – это же

¹ Чоботы – сапоги (укр.)

самое ТО для игр в войнушку, и пацаны бесстрашно и сноровисто шныряли по руинам до самой темноты. Загнать их в «группы» мог только голод и колокольчик, призывающий на скудный ужин. Скудный: ведь ещё шла война и существовала карточная система. Перловка, мамалыга (каша из кукурузной муки), пшено и манка – на воде, а через раз – заправленные американской сгущёнкой (по ложке на рот!) или по стакану молока из американского сухого порошка.

Да что там говорить: есть (*шамать*) хотелось постоянно!

Дядя Сёма был единственный мужчина в детдоме, все остальные сотрудницы – женщины, и было их, кроме воспитательниц, всего-то: трое на кухне, завхоз, да прачка с кастеляншей. А все хозяйственные выполняли воспитанники, невзирая на возраст. Дядя Сёма (прозвище – *Сёмый*, что по-украински – «Седьмой»), прозванный так за то, что выполнял семь обязанностей: истопник, сторож, сапожник (класс!), кучер-экспедитор, электрик, дворник-садовник и – самое главное – аккордеонист! Гармонист, по-нашему.

Два трофея возил в обозе полковой разведчик Семён Иосифович – аккордеон и хромовые офицерские трофейные сапоги. Однако, сапожки пришлось не ко двору: Семёну ампутировали одну ногу...

Однажды, когда его разведгруппа уже выходила из немецкого тыла с богатой добычей – они перехватили на дороге штабную машину с ценными документами, – прорваться через немецкую передовую и нырнуть в ледяную воду реки удалось только Семёну. Его товарищи погибли в перестрелке. Дело было ночью. Немцы постреляли в реку и затихли: в такой воде, где плавали льдины, спастись было невозможно. На той стороне реки были наши. И произошло чудо: на свой берег полуживой Семён всё-таки выполз. И попал прямо на наше боевое охранение. Поскольку говорить он не мог: свело застывшие скулы, а разведчики документов при себе не имели, Семёна, как немецкого диверсанта, заперли в каком-то холодном подвале. И там утром он обнаружил, что отморозил обе ноги. Два дня его допрашивал СМЕРШ, два дня он талдычил им, где он закопал на той стороне важные штабные документы и кто он такой есть. Но до проверки медпомощи ему не оказывали, и ноги почернели...

Когда пришло запоздалое подтверждение из родной части, откуда уже отправили домой похоронку, в медсанбате развели руками: поздно! Ноги будем удалять. Правда, военврач пожалел разведчика и одну ногу ему чудом спас...

Через неделю наши форсировали ту самую реку. Семёна на носилках притащили на указанное им по карте место, где он и нашёл огромный портфель с оперативными немецкими документами такой важности, что ему пообещали Героя. Но в результате дали только жалкую пенсию и инвалидность...

Дора Борисовна, директор детдома, нашла Семёна в макеевском военном госпитале, где он лежал на излечении. Одну ногу ампутировали до колена, а на второй удалили все пальцы. Дора привезла в очередной госпиталь своих пацанов с самодеятельным концертом. В аккомпанементе у артистов Доры была одна балалайка и девчоночий хор на мелодии «Светит месяц» и «Два притопа, три прихлопа». Но в столовую, где проходил «концерт», прихромал на костылях красивый, черноволосый дядька с трофейным аккордеоном на плече. Он быстро схватывал от девчонок мелодию, и... по коже бегали мурашки от его аккордов!

После концерта Дора подошла к Семёну Иосифовичу, поблагодарила за участие и, ненароком, поинтересовалась, куда он отбудет после выписки? Семён Иосифович изменился в лице, молча долго смотрел в пол, а потом сказал:

– А не знаю, куда мне ехать. Жена от калеки отказалась. Прислала письмо, чтоб не объявлялся, ведь она по «похоронке» выхлопотала пособие на детей. И у неё уже есть «человек»...

Они помолчали. Дора знала, что такие случаи, к сожалению, были не единичны. Одни жёны были рады хоть безрукому, хоть безногую, абы живой вернулся домой. Но были и такие, которые напрямки заявляли в госпиталь: «Мне калека не нужен, мне надо устраивать свою

жизнь, забирать не буду, отправляйте его в дом инвалидов». Поэтому Дора решительно заявила:

– Вам никуда ехать не нужно. Я предоставлю вам крышу, питание и работу по вашей возможности. Ну, скажем, сапожник, сторож, электрик, дворник, истопник, извозчик... Вот кем из перечисленных вы сможете работать у нас в детдоме, на том и слава Богу, мы будем вам рады!

После некоторого молчания, Семён Иосифович потёр кулаком глаза, как бы пряча слезу, тяжело вздохнул и внятно сказал:

– А вот на всех сразу, перечисленных вами должностях, и буду работать. Дай вам Бог здоровья, при пацанах работать всегда мечтал, до войны мне свои двойняшки во всём помогали...

НИИ, научно-исследовательский институт угольной промышленности, после освобождения от фашистов понемногу восстанавливал свою деятельность в одном из уцелевших трёхэтажных зданий. И, как и до войны, территория НИИ была режимной, окружена кованым, с острыми пиками и колючкой, забором и проходной, где бабки-ВОХРОВКИ с револьверами на поясе беспробудно гоняли чай. Пацанам за ворота выходить запрещалось, кроме организованных выходов в школу под надзором активистов из старшей группы.

Но какие такие заборы и бабки-ВОХРОВКИ могли удержать пацанов «на зоне» (как они величали территорию НИИ), доставленных в детдом под конвоем из голодной, но вольной жизни? Вся округа из частного сектора стонала от таких соседей, как полторы сотни малолетних сорвиголов, считай, преступников. Особенно во время созревания урожая на охраняемых цепными псами приусадебных участках и садах.

Когда в детдом прибыла очередная семейная пара куркулей с жалобой на пацанов, собравших без спросу опавшие с дерева яблоки, «чтобы, значит, оплатили им утрату – ведро яблок и саму цибарку», навстречу им вышел Семён Иосифович в военном френче с погонами капитана и знаком гвардии, вся грудь в орденах, и, дрожа от ярости, прошипел сквозь зубы этим жлобам:

– А вы сами принесли сиротам хоть пару яблочек? Всё на базар ташите! За прилавком стоишь, сука, мятые рубли собираешь? А с автоматом в руках из окопа в атаку никогда не выскакивал?

– У него – астма! Он освобождён от фронта по заболеванию! – вступилась за толстого, пучеглазого, лысого мужа хозяйка сада.

– Ещё раз придёте жаловаться на мальчишек, спущу на вас собак! Чтоб близко даже не подходили к проходной, или я за себя не ручаюсь, я – контуженый! Так и своим соседям-кугутам передайте: на сирот жаловаться – не сметь!

Перво-наперво на новом месте Семён Иосифович обустроил в подвале, рядом с котельной, плотницкую, где сделал для себя выгородку, вроде каморки, с топчаном и столом. Потом он избавил себя от костылей и смастерил самодельный деревянный протез на ремнях, как у Джона Сильвера из «Острова Сокровищ».

Но выходить на сцену в роли аккомпаниатора на деревяшке он стеснялся и считал показухой, выжиманием слезы. Вот тут он и достал из фронтového вещмешка своё сокровище: хромовые офицерские сапоги. В левый сапог он вмонтировал деревянный протез и перешил голенище таким образом, что крепящиеся к культе ремни были почти незаметны. С правым сапогом проблем не было, пустоту в носке от укороченной ступни он заполнил ватой. На выступлении Семёна Иосифовича всегда усаживали на стул заранее, а свою хромоту он научился умело маскировать. И со стороны зрителей виден был симпатичный, черноволосый артист в щегольских по тому времени сапогах.

Многие женщины «ложили на Сёму глаз», но после предательства жены он не видел женщин «в упор». Ведь она обрекла его на позицию «живого трупа». Она запретила ему объявиться в живых, чтобы не потерять пособий и чтоб он не мешал ей в новой семье. И вот, зная

о том, что где-то растут без отца двое его сыновей с чужим «папой», сердце его постоянно болело и он искал выход из этого положения в том, что всю свою любовь отдавал беспризорным пацанам.

Давать концерты раненым бойцам и в эшелонах поездов, следующих на фронт и в госпитали, Дора считала святым долгом и поэтому репетициям и подготовке новых номеров уделяла всё своё личное время. Так она создала и танцевальную труппу из мальчиков и девочек. Руководить группой «Венгерские танцы» она поручила наиболее способному исполнителю её постановок – Антону.

Как ни странно, главная проблема в этих начинаниях состояла в том, что «артистов» не во что было одеть и обуть.

Для школы и «на выход» у детей была кое-какая форма и обувь. Но, в остальное время они носили обноски, штопаные-перештопаные и бегали... босые. Просто на ночь, перед сном, все кое-как, холодной водой, мыли свою «обувь» – босые, исколотые, изрезанные, в болячках, ноги. Не только мальчики, но и девочки. Добывать для детдома пищу и одежду было главной задачей Доры Борисовны, и в тресте к её просьбам уже привыкли и даже иногда подкидывали помощь, например, при распределении «американских подарков».

«Американские подарки» – это такая помощь от наших союзников. Эти запаянные парафином картонные коробки включали в себя всякую консервированную снедь: галеты, мармелад, шоколад, сгущёнку, колбасный фарш, яичный порошок, сигареты и даже... презервативы. Естественно, что распределяли такую «халяву» только парторганы и исполкомы (не забывая себя, любимых), кое-что перепало (но уже за деньги!) школьным учителям, чиновникам всех рангов и профсоюзам. И даже – в госторговлю! Хотя американцы планировали свою бескорыстную помощь, как ПОДАРКИ.

Однажды трест «Макеевуголь» поделился такими подарками и со своим подшефным Детдомом №3. На всю ораву в 150 человек воспитанников и десятков лиц обслуживающего персонала трест выделил аж 6 коробок «подарков», мешок яичного порошка и мешок сухого молока. Выходило по 2 коробки на каждую группу по 50 человек: младшую, среднюю и старшую.

Все коробки вначале затащили в комнаты к Доре, где она проживала с двумя собственными детками 8 и 10 лет (они проживали за госсчёт, как детдомовцы). Потом, на ужине, всем положили на блюде по микроскопической дозе мармелада, шоколада и всяких разных паштетов и галет. Зато омлет и молоко ели целую неделю!

В ответ на необыкновенную щедрость дядь из «Макеевугля» Дора повезла своих «артистов» прямо в актовый зал треста дать им концерт самодеятельности.

И тут произошло нечто необыкновенное, называемое на Кавказе «алаверды»!

После окончания концерта на сцену вышел какой-то профсоюзный «важняк» и промычал что-то вроде благодарности за испытанное удовольствие от ребячьих талантов и махнул рукой кому-то за сцену. Тут же на сцену вышли две тётки и объявили, что профком треста дарит гармонисту ценный подарок (вручили Семёну коробку!), а всем артистам – билеты в кинотеатр «Горняк» на завтрашний утренний сеанс. Будет показан фильм «Два бойца».

Их выступление было встречено насупленным молчанием артистов, аплодисменты раздались только в зале. И тут из шеренги артистов вышел вперёд Антон и обратился к сидящей в первом ряду Доре:

– Дора Борисовна, чего *ЭТОТ* (Антон указал на «важняка») придумал? Мы без наших пацанов никуда не пойдём...

Почти одинаковая тяжёлая судьба сплотила детдомовцев. Ведь многие из них не дожили до детдома. Они погибли от голода, переохладения, были застрелены при попытке воровства у неприятеля (особенно лютовали румыны! Сами – воры и мародёры, хуже немцев, они были безжалостны). Много пацанов погибло и было покалечено от бесхозных боеприпасов. Но более

всего пострадали беспризорные пацаны – это от болезней истощённых голодом и инфекциями неокрепших организмов.

Местная шпана и даже ворьё никогда не связывались с детдомовскими. Опасались. Ибо, если такое случалось, в детдом поступал телефонный звонок в сторожку, к Семёну: «Сёма, бабушка заболела!» «Иде?» «В сквере, на Ворошиловском!» «Едем!»

И тогда на Ворошиловский мчалась переполненная разгневанным народцем Сёмина «пролётка» («линейка»), как у Чапаева, а за ней бежало с кольём, камнями в карманах и чем попало всё население детдома, вплоть до шестилетних, не исключая и девчонок. Городские прилпатнённые (*по-украински – жуковатый*). Они выражались так: «Нэ трож мэнэ, бо я – *жуковатый*, у мэнэ на пузи горобэць выколотый!») после этого неделями прятались по хатам, чтобы своими синяками не выдавать участия в драке и чтобы им не перепало снова, поодиночке.

И вот этот дядька предложил им билеты в кино (очень редкое событие в жизни пацанов!) и *сходить в кино* без остальных пацанов и девчонок! Да разве ж такое можно?..

Дора Борисовна быстро поднялась на сцену и дипломатично поблагодарила дядю. Но при этом пояснила ситуацию, что без остальных детей, *эти* дети в кино не пойдут.

Тогда «дядя», в холуйском поклоне, обратился к кому-то в зал:

– Да вот Виктор Иванович, наверное, *разрешат* нам докупить билеты на остальных воспитанников, а?

В зале ему махнули пухлой ручкой, и дядя торжественно, *вторично*, объявил о своём благодеянии: «Завтра в 10 утра милости просим в кинотеатр „Горняк“, так сказать, всем личным составом!» Кинотеатр, кстати, был на балансе в Тресте «Макеевуголь»!.. Тут уже захлопали и «артисты».

К Антону подбежали девчонки: «Антоша, тама Сёмый сидит за кулисой и плачет, тебя зовёт!»

В уголке, на скамейке сидел Семён Иосифович с раскрытой коробкой на коленях. В коробке лежали очень красивые полуботинки. Семён удручённо смотрел на них, но не плакал, как это показалось девчонкам, а огорчённо смотрел на подарок.

– Вот, Антоша! Цей подарунок мэни не знадобыцца. Бо вже маю чоботы на останне життя... (Дядя Сёма, в волнении, всегда переходил на *ридну мову*). Дак ты визьмы соби це взуття, тэпэр вже як подарунок вид мэнэ.

– Дякую, дядя Сёма, тилькы воны мэни дуже вэлыки будуть...

– А ты личи, що цэ – як бы твои *чоботы*. Як бы – на вырост тоби.

Антон обнял Семёна Иосифовича, и они долго сидели молча.

Прошло три месяца. Однажды, прямо в *разбитку*, где как раз шла «перестрелка» с «немцами» («немцами» быть никто добровольно не хотел, приходилось быть «немцами» по жребью, через считалку: «На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной, *немец, хто ты есть такой?* (В считалку пришлось добавить «немца»). Прибежал гонец:

– Антоха, позырь, тама бабка твоя знайшлася, сыдыть у Доры. Тебя Дора вызывае! Антоха, бабка, мабуць, *шамовку притараканила*, не пустая ж *приканала* до тэбэ, дашь шматок, не *затырь*, понял?

– Аты не брешешь? Прибожись! – новость была ошеломляющей.

– Скинь штаны та пробежись! Век отца и матери не видать! Сукой буду через Батайский семафор! – клятвы были серьёзные и стоило слух проверить.

По рассказам матери в начале войны, Антон помнил, что у него где-то в Макеевке есть бабушка, которая – мамина мама. Тогда ему было шесть лет.

А когда Антона с крыши вагона, с обеих сторон сразу, взяли в «клещи» дяди в синих фуражках, они забили плотняком шпаной клоповник в КПЗ (камера предварительного заключения) и стали пытаться поодиночке: кто, что помнит о родных местах и родителях.

Пацаны, как партизаны, стояли насмерть, *лежавых* они, по наущению взрослых, обязаны были *водить* (*мести пургу* – врать!).

Однако, Антон чудом выжил в оккупацию и он уже сам хотел найти крышу над головой. Поэтому, попав в «клоповник» (КПЗ) по пятому заходу, он сразу сообщил всё, что запомнил от матери: фамилию мамы и место, где живёт родня его мамы: город Макеевка.

Так он и оказался в Макеевском детдоме №3. Детдомы в то время, через ЗАГСы, усердно разыскивали родственников своих воспитанников и, случалось, не безуспешно. Так, например, Доре Борисовне не без труда удалось разыскать только по известной в округе фамилии бабушку Антона, едва она возвратилась из эвакуации в Горьковскую область. Переговоры с бабушкой проходили трудно и вначале без участия Антона.

Анна Семёновна, бабушка Антона не имела средств на содержание внука: она не получала пенсию. В то время многие, не имеющие трудового стажа, не получали пенсий (бывшая аристократия, бывшие заключённые, тунеядцы и сельчане, не выработавшие нормы трудодней и приравненные к тунеядцам!). Анна Семёновна, как жена крупного коммерсанта, относилась к «лишенцам» первой категории – «буржуинам», она никогда не работала на «совдепию» (*на сатану!*) и не хотела хлопотать пенсию (*у сатаны*) из принципа. Она всю жизнь крутила ручку «Зингера» – швейной машинки, и сама поставила на ноги шестерых детей, после смерти мужа, вернувшегося с войны, ещё той, Первой, – «лёгочником» – он попал под газовую атаку...

Дора Борисовна была членом комиссии ГОРОНО по опекунству и усыновлению. Она пояснила, что оформить опеку Анна Семёновна не может, как не имеющая соцобеспечения, а без опекунства она не сможет получить на Антона продуктовые и товарные карточки: замкнутый круг! А без опекунства отдать внука бабушке насовсем, Дора Борисовна не имела права. Порешили, что бабушка напишет заявление и сможет забирать внука Антона на воскресные и праздничные дни в качестве *гостевания*, до разрешения бабушкой вопроса о её пенсии. (А это, к сожалению, означало – никогда!) С тем и порешили: объявить ситуацию Антону.

Антон постучался (Дора приучила!) и вошёл в кабинет Доры. На стуле перед ней сидела пожилая, хорошо одетая, женщина (портниха, ведь!).

– Вот, Антоша, радуйся! Это твоя бабушка! Мы нашли Анну Семёновну и теперь ты сможешь ходить к ней *в гости*... – объявила Дора Борисовна, подойди к ней!

Антон неспешно, без эмоций, подошёл к женщине, которая обняла Антона и заплакала. За её спиной Дора подавала Антону знаки: «Обними бабушку, скорее!»

Но Антон был *в непонятках*: «Как же так? Других детей забирали из детдома насовсем домой, когда находились родственники, а его... только *в гости*?...

– А я вспомнил бабушку! Когда я болел, перед войной ещё, какая-то тётя с огнём ставила мне «банки», а бабушка совала мне под нос жёлтого жирафа, чтоб я не орал...

– Да, да, Антоша! Он до сих пор хранится у меня дома, твой жёлтый, плюшевый жираф! – Анна Семёновна была растрогана: вспомнил-таки внучек *её*, хотя ему было всего четыре года! Узнал бабушку!

Поскольку Анна Семёновна жила в семи километрах от Макеевки, Дора послала за Семёновым Иосифовичем, чтобы взял у Готлиба (Завхоза института) *линейку* (*пролётку*) и отвёз Антона с бабушкой к ней, на её рудничный посёлок Бурос, в её собственный *флигель*. Это был небольшой домик в углу двора, в котором, до революции жила бабушкина прислуга. А когда пришли красногвардейцы и выдрали у Анны Семёновны *с мясом* серьги из ушей, она «подарила» два краснокирпичных дома школе, для учителей, а сама переселилась с шестью детьми во *флигель*.

НИИ (институт) имел свой «транспорт»: двух лошадей, грузовую бричку и лёгкую, «пассажирскую», на рессорах, повозку – *линейку*. Марк Васильевич Готлиб, завхоз НИИ, без проблем давал свой «транспорт» детдому в обмен на уход за лошадаками и хлопоты по очистке конюшни Семёном (*Сёмьм!*), в чём ему, с огромным удовольствием, помогали не только пацаны, но даже девочки из старшей группы. Жеребцам они дали женского рода имена: *Сирота* (Он?, она?) и *Звёздочка* за белое пятно в виде звёздочки на лбу. Они охавками носили лошадакам траву, тщательно собирая и подсушивая, на всей территории НИИ.

Но вот подошло время идти в школу. Для Доры это была головная боль, похуже даже, чем дисциплина в детдоме и добывание пропитания и одежды.

Дело в том, что большая половина воспитанников были так называемые – «переростки», которых школьные учителя называли – «мучениками» и, скрепя сердцем, выставляли им, без опросов у доски, тонюсенькие тройки. Это были дети, которые не учились в школе во время немецкой оккупации или беспризорники. Их, по возрасту, садили сразу в третий, (А а то и – в четвёртый!) класс!, минуя первый и второй, по негласному правилу: спровадить детдомовца в РУ (Ремесленное училище, в народе – *ростовский урка*), даже после третьего класса, со справкой, что он «ученик четвёртого класса». Так, например, рядом с Антоном на школьной парте, в третьем классе, сидел Валька Бугаев, четырнадцатилетний пацан, с боевой медалью «За отвагу» на груди! Тогда это было оч-ч-ень серьёзно и ни один учитель не отважился бы поставить Вальке двойку: Валька, в открытую, носил трофейный тесак и его, как огня, боялись все *жуковатые* и местная шпана. Говорили, что некоторых Валька уже *пырнул*.

Антон был из таких же: его посадили сразу в третий класс, промеж двух отличниц и он старательно, высунув язык, перерисовывал на уроке арифметики столбики с делением и сердился на девчонок, когда эти «столбики» оказывались у них с разными уголками в «делителе» и палочками «итога». Перевод в четвёртый класс школа ему «нарисовала» чисто из жалости и понимания, но предупредили Дору, что с детьми надо заниматься дополнительно, в стенах детдома, а школа «рисовать липу» не имеет права, ибо имеются жалобы со стороны училищ, куда приходят со школы «переростки», даже не умеющие толком писать и читать.

Ага! Придумали! Заставить заниматься на дому этих *вольных жителей вольного города Даницга* не было никакой возможности. Они охотно выполняли все хозработы, но, ни в какую, не желали ни минуты заниматься дополнительно, кроме времени на «самоподготовку» для выполнения домашних заданий. И то: одна отличница решала задачи, а остальные девчонки переписывали в тетради готовые ответы пацанам, которые в это время «воевали» в *разбитках*.

Но, не бывает худа, без добра! Или, по Закону равновесия, добро должно где-то и чем-то компенсировать зло. Когда Дора пожаловалась Анне Семёновне, что внучек, мягко говоря, *слабо готов* к учёбе в четвёртом классе и требуется работа с ним, бабушка тут же схватилась за идею: Дора отпускает Антона в школу на посёлке Бурос с проживанием у бабушки, а Анна Семёновна торжественно пообещала сделать Антона отличником «начального образования». И даже – получение «Похвальной грамоты»! Ведь учителя жили в одном дворе, в бывших бабушкиных хоромах.

Для пользы дела, Дора Борисовна нарушила все параграфы и инструкции, сама приехала, проверила как живёт Анна Семёновна и... отпустила Антона к бабушке на проживание и учёбу. И даже выделила кое-какие продукты: муку, сахар, крупу и растительное масло из нормы положенного Антону в детдоме.

– Пока у вас всё хорошо, потому что вы много работаете. А если, вы, не дай бог, заболете, что тогда? – поостереглась Дора Борисовна от своего смелого, «самостийного» решения. Ведь в ГОРОНО она сама стояла на страже Закона!

– А тогда Антошик мигом прибежит к вам и сообщит, он эту дорогу уже знает. А у вас же он по спискам проходит. У меня он, как бы – условно, для подтягивания его в учёбе!

Анна Семёновна, вырастившая шестерых детей, понимала, что метод повара из басни Ивана Крылова «Кот и Повар», повлиять на внука нотациями и уговорами не сработает: после *вольницы* пацаны взрослых всерьёз не принимали, а все их советы отторгали.

Бабушка пошла другим путём. Кроме пленного немца Франца, уголь ей стал приносить завербованный на шахты украинец Опанас. Их, целым эшеленом из «теплушек», под конвоем, чтоб не разбежались, привезли из Западной Украины. Некоторых поселили по соседству, в общежитии. Когда Опанас не пришёл несколько дней с углём, вечером, бабушка послала Антона в общежитие к Опанасу с кукурузными лепёшками, нужда сближает людей:

– Отнеси, Антоша, Опанасу покушать, он такой слабый был в прошлый раз. Мабуть, не в силах уже уголь носить...

В каждый приход в общагу Антон наблюдал одну и ту же картину. Наскоро смыв угольную маску с лиц холодной водой, редко кто – с мылом или с содой (большой дефицит!), измученные непривычной тяжёлой работой под землёй молодые сельские парни, по очереди, на керосинке, варили себе мамалыгу прямо в оловянных мисках. Без масла, сахара и соли, всё это продавалось только по карточкам и дорого стоило.

Опанас тоже сварил себе кашу и ел, выскребая подгоревший слой на дне миски, оловянной ложкой.

Ложка эта была уже *наполовину источена* от ежедневного скобления подгоревшей мамалыги. Па веках глаз у Опанаса были чёрные обводы, как у модниц и от этого он, в своей худобе, смотрелся, как живой труп.

– Опанас, скажи, а сколько классов ты окончил в школе? – Антона потрясло убогое жилище парней и полуголодное существование.

– Тры класу. А вон ци, – Опанас указал на парней, – почти уси трохи бильш вчилься: воны по чотыры закинчили. Бо бильш у нас нэ було.

У Антона в голове заклинилось: так это и он со своими тремя классами вот так жить будет? Скрести дно оловянной миски, пока ложка не сотрётся до ручки! И *шамать* одну пустую мамалыгу? Ужас! И четвёртый класс их не спас от забоя в шахте...

Антон долго потом постоянно преследовало видение этих мисок со сточенными оловянными ложками и страшные чёрные маски от несмытого угля на лицах этих молодых, но измождённых стариков!

Анна Семёновна попала точно в цель!

Забегая вперёд: Антон окончил четвёртый класс с похвальной грамотой и потом всю жизнь учился, окончив два ВУЗа и самостоятельно изучив иностранные языки.. Он стал капитаном дальнего плавания и даже – *литератором*.

Димитр (Толик) Карамелев, 1953 г.

В новой школе соседом по парте у Антона оказался болгарин Димитр (Толик) Карамелев и они быстро сдружились. Дима с сестрой росли тоже без отца и тоже – впроголодь, мать работала в школе уборщицей и получала мизерную зарплату.

А через три месяца случилось то, чего так опасалась Дора: бабушка сильно заболела и уже неделю не вставала с кровати. Она угорела: закрыла заслонку печи раньше времени и отравилась угарным газом. Зима 1947 года была очень холодной. А отапливаться было нечем...

Такой вот наблюдался парадокс при родной советской власти: крестьяне умирали от голода, а жители Донбасса замерзали без угля! Новый министр угольной промышленности А.Ф.Засядько поклялся И.В.Сталину перевыполнить план по добыче угля, который ежегодно проваливали: не было кадров, а шахты были полузатоплены. Их взрывали дважды. Вначале – наши, при временном, планомерном отступлении, затем – немцы, при бегстве. (А 17 ноября, 1941 года Сталин подписал Приказ №0428, предписавший «Разрушать и сжигать дотла все населённые пункты в тылу немецких войск». О том, что в этих, оставленных врагу *населённых* пунктах живут-выживают наши люди Вождь как-то не подумал...) Благо, его опричники из НКВД не очень ревностно исполняли этот людоедский Приказ!

У шахтёров появилась издевательская крылатая фраза: *Дадим Стране угля, хоть мелкого, но до х..рена*, после того, как, ради плана, жителям Донбасса продавать уголь прекратили, всем, кроме как (за деньги и по лимиту 2 тонны на семью) – шахтёрам, на подземных работах... А в одном кубометре, считай, – одна подвода – полторы тонны угля. И вот как его растянуть на всю долгую зиму? Если уголь «Голубовский» – горит, как порох. А если антрацит – того одной закидки хватало на два часа. Но, чтобы всё тепло не улетало в трубу – прикрывали заслонку. А на ночь, когда угли гасли, чтобы сохранить тепло, закрывали заслонку совсем. На этом бабушка и попалась... Чуть не погибли оба...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.